

крываясь псевдонимом Любослова, указал Екатерине на «нерадение ее к употреблению написаний е—о» («единачий» вместо «одиначий») и на неправильную постановку глагола «выполнить» вместо «исполнить».⁵⁸

Ирония, которой исполнена статья Румянцева, подчас переходит и в прямую издевку: «Я вам место в моей библиотеке, — обращается он непосредственно к сочинителю «Записок», — podle Тацита определяю; надеюсь, что и вас также скоро крысы почтут; им уже давно они у меня питаются» (III, 169). Нападки на императрицу-историка сочетаются в первой статье Румянцева с резкими высказываниями и против ее очерков «Были и небылицы», одновременно печатавшихся в «Собеседнике», начиная со второй части (II, 145—164). Как высший авторитет изобраила Екатерина в этом произведении некоего Дедушку, советов которого она во всем слушается. Пародируя этот способ высказывания своих мыслей с помощью диалога с воображаемым лицом, Румянцев пишет: «Дедушка мой мне все твердит, что здесь умничать не надо, но как кажется знать и не сообщать свои знания! Как писать и не читать никому своих писаний» (III, 171). Автор статьи признается в интересе к политическим темам, внушенным ему университетским преподаванием истории. «Мне кто-то сказывал, — пишет он Екатерине, — что и вы в сей части довольно упражняетесь. Люди, которые вас знают, утверждают, что вы весьма много уже и в свет таковых сочинений пустили, коих следствия чувствительны; конечно, Дедушка ваш моего отважнее или вы имеете на то способы, мне неизвестные: сообщите мне пожалуйста оные; если вы мне в том откажете, то увидите, как я вашу вторую тетрадку ценить буду; я вить не так пишу, как вы, мне лишние слова ничего не стоят, так меня больше, нежели вас, читать будут!» (III, 171).

Открытая насмешка звучит в заключительных строках статьи. «Эй, не будем ссориться! Мы, мне кажется, во многом полезны друг другу быть можем; уже и по этому письму судите, сколько я вам добра могу сделать. Простите, до будущего „Собеседника!“» (III, 172). Статья Румянцева была помещена в 3-й части «Собеседника» тогчас же за «Вопросами» Фонвизина (III, 161—166), в связи с чем императрице в четвертой части пришлось вступить в полемику сразу с двумя противниками, являющимися сотрудниками журнала. Резко оборвав Фонвизина, «Вопросы» которого, по мнению Екатерины, произошли от «свободоязычия», императрица посоветовала ему «образцовое послушание» (III, 166).

⁵⁸ Послание к господам издателям «Собеседника» от Любослова. — «Собеседник», 1783, ч. II, стр. 112. А. Н. Пыпин, не аргументируя своей мысли, полагает, что Любослов и автор, подписавшийся «Ни одной звезды го лбу не имеющий», т. е. С. П. Румянцев, — одно и то же лицо (Сочинения Екатерины II, т. V, изд. Акад. наук, стр. 333). — Псевдоним «Любослов» принадлежал П. С. Батурину (1740—1803). См. его автобиографию в «Голосе минувшего» (1918, № 4—6). — Прим. Ред.